

какъ-то особенно весело, весельемъ не пустымъ, а содержательнымъ. Тѣ строки, которыя онъ въ молодости написалъ въ своемъ дневникѣ, вполне опредѣляютъ его. Вотъ онѣ:

«Могучее средство къ истинному счастью въ жизни—это, безъ всякихъ законовъ пускать изъ себя во все стороны, какъ паукъ, цѣлую паутину любви и ловить туда все, что попало,—старуху, ребенка, женщину, квартальнаго...»

И онъ ловилъ ихъ и заражалъ своимъ внутреннимъ, священнымъ огнемъ. Онъ понималъ, что въ жизни есть одинъ рычагъ—любовь.

Высказывалъ ли онъ свое мнѣніе о чѣмъ-либо, всегда слышались искренность и оригинальность взгляда, свойственная лишь ему одному. Онъ много рассказывалъ намъ, иногда говорилъ съ нами и серьезно, нисколько не поддѣлываясь подъ нашъ возрастъ и развитіе.

Въ тѣ времена Левъ Николаевичъ сильно увлекался школами и рассказывалъ намъ про свою Ясно-Полянскую школу, про выборъ учителей, любимыхъ учениковъ и ихъ сочиненія. И мы понимали его и сочувствовали ему.

Однажды вечеромъ онъ предложилъ прочесть намъ вслухъ только-что вышедшую повѣсть Тургенева «Первая любовь». Слушателей набралось много—подруги сестеръ и еще кто-то изъ молодежи. Левъ Николаевичъ читалъ самъ, и я въ первый разъ слышала его чтеніе.

Въ оцѣнку его чтенія я, какъ пятнадцати-